

АРАБИЗМЫ КАК УСТОЙЧИВАЯ ЧАСТЬ ЛЕКСИКОНА БЕЛОРУССКИХ ТАТАР (НА ПРИМЕРЕ КИТАБА ИБРАГИМА ХОСЕНЕВИЧА)

Н. МИРИЕВА¹⁾

¹⁾Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, пл. Университетская, 1–3, 1053, г. Будапешт, Венгрия

Предметом исследования являются особенности функционирования арабской лексики в памятниках письменности белорусских татар. В качестве материала для изучения выбран kitab Ibragim Hosenevich. В работе применяется метод классификации лексики, а также метод лексико-грамматического анализа. Классификация позволяет установить системные отношения между словами и специфику функционирования арабизмов в славянском тексте. Приведенные примеры сопровождаются их переводом на русский язык и комментариями, в которых указываются фонетические, графические и словообразовательные особенности арабизмов. Проводится сравнительный анализ цитат из Корана и других религиозных арабских текстов и из kitabа И. Хосеневи́ча. Отдельные лексические единицы имеют грамматические комментарии и рассматриваются в контексте kitabа с указанием их грамматических показателей. Новизна работы заключается в исследовании арабизмов оригинального памятника письменности белорусских татар, восточная лексика которого ранее не изучалась. Актуальность данной темы обусловлена интенсивным развитием китабистики, а результаты проведенной работы могут быть использованы для описания лексических единиц в составе сводных словарей. Лексический анализ каждого памятника письменности позволяет определить преобладание языковых закономерностей для дальнейших культурно-исторических исследований.

Ключевые слова: китабистика; белорусские татары; арабизмы.

АРАБИЗМЫ ЯК УСТОЙЛІВАЯ ЧАСТКА ЛЕКСІКОНА БЕЛАРУСКІХ ТАТАРАЎ (НА ПРЫКЛАДЗЕ КІТАБА ІБРАГІМА ХАСЯНЕВІЧА)

Н. МІРЫЕВА^{1*}

^{1*}Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, пл. Універсітэцкая, 1–3, 1053, г. Будапешт, Венгрыя

Прадметам даследавання з'яўляюцца асаблівасці функцыянавання арабскай лексікі ў помніках пісьменнасці беларускіх татараў. У якасці матэрыялу для аналізу выбраны kitab Ibragim Hosenevich. У працы прымяняецца метада класіфікацыі лексікі, а таксама метада лексіка-граматычнага аналізу. Класіфікацыя дазваляе вызначыць сістэмныя адносіны паміж словамі, а таксама спецыфіку функцыянавання арабізмаў у славянскім тэксце. Прыведзеныя прыклады суправаджаюцца іх перакладам на рускую мову і каментарыямі, у якіх указваюцца фанетычныя, графічныя і словаўтваральныя асаблівасці арабізмаў. Праводзіцца параўнальны аналіз цытат з Карана і іншых рэлігійных арабскіх тэкстаў і з kitabа І. Хасяневі́ча. Асобныя лексічныя адзінкі маюць граматычныя

Образец цитирования:

Мириева Н. Арабизмы как устойчивая часть лексикона белорусских татар (на примере kitabа Ибрагима Хосеневи́ча). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2022;2:90–100.

For citation:

Mirieva N. Arabisms as a stable part of the lexicon of the Belarusian Tatars (by the example of Ibragim Hosenevich's kitab). *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2022;2:90–100. Russian.

Автор:

Найля Мириева – аспирантка кафедры русского языка и литературы Института славянской и балтийской филологии. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. Золтан.

Author:

Nailya Mirieva, postgraduate student at the department of Russian language and literature, Institute of Slavic and Baltic philology.
mirieva.nailya@mail.ru

каментары і разглядаюцца ў кантэксце кітаба з указаннем іх граматычных паказчыкаў. Навізна працы заключаецца ў даследаванні арабізмаў арыгінальнага помніка пісьменнасці беларускіх татараў, усходняя лексіка якога раней не вывучалася. Актуальнасць дадзенай тэмы абумоўлена інтэнсіўным развіццём кітабістыкі, а вынікі праведзенай працы могуць быць выкарыстаны для апісання лексічных адзінак у складзе зводных слоўнікаў. Лексічны аналіз кожнага помніка дазваляе вызначыць пераемнасць моўных заканамернасцей для далейшых культурна-гістарычных даследаванняў.

Ключавыя словы: кітабістыка; беларускія татары; арабізмы.

ARABISMS AS A STABLE PART OF THE LEXICON OF THE BELARUSIAN TATARS (BY THE EXAMPLE OF IBRAGIM HOSENEVICH'S KITAB)

N. MIRIEVA^a

^a*Eötvös Loránd University, 1–3 University Square, Budapest 1053, Hungary*

The subject of the research is the functioning of the Arabic vocabulary in the monuments of the Belarusian Tatars. Ibragim Hosenevich's kitab was chosen as the material for the analysis. The following methods are used in the work: vocabulary classification, which determines the systemic relations between words, and an analysis of lexicogrammar. This classification is necessary to present a complete picture of the functioning of the Arabic vocabulary in the Slavic text. The study provides examples with translation and indication of the phonetic, graphical and word-formation features of Arabisms, as well as a comparative analysis of quotations from the Koran and I. Hosenevich's kitab. Separate lexical units are accompanied by grammatical commentary and dictionary form and are considered in context with indication of grammatical indicators. The scientific novelty of the work lies in the study of Arabisms of the original monument of the Belarusian Tatars, the eastern vocabulary of which was not previously considered. The relevance of this topic is due to the intensive development of kitabistic study, and the results of the work carried out can be used to describe lexical units in the composition of summary dictionaries. The lexical analysis of each monument makes it possible to determine the continuity of linguistic patterns for further cultural and historical research.

Keywords: arabisms; kitabistics; Belarusian Tatar's manuscripts.

Введение

Статья посвящена исследованию арабизмов в лексиконе белорусских татар. Хотя тема восточной лексики, содержащейся в славяноязычных текстах, написанных арабским алфавитом, активно изучается, остается достаточно большое количество материала для анализа. Китабы белорусских татар благодаря разнообразию представленного в них лексического материала (сочетание восточной и славянской лексики) являются важным для лингвистов источником информации.

Доктор гуманитарных наук доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Вильнюсского университета (Литва) Г. Мишкинене предложила проект по созданию словаря китабов [1] – историко-лингвистического справочника, облегчающего понимание текстов белорусских татар и содержащего славянскую лексику, а также арабизмы, тюркизмы и персизмы, которые стали неотъемлемой частью письменных памятников данного типа. Ранее восточная лексика рассматривалась в работах А. К. Антоновича [2], С. Кричинского [3], Ш. Акинер [4] и А. Вороновича [5]. В статье [4] представлен словарь восточной лексики с грамматическими комментариями, ее переводом на английский язык и примерами из текста китаба, который хранится в Британском музее. В публикации [5] исследуются 400 единиц восточной лексики, извлеченных из тафсиров и хамаилов. Научные разработки А. Вороновича лежат в основе современных исследований по данной теме. Наконец, Г. Мишкинене анализирует адаптацию арабизмов и тюркизмов [6], а также приводит небольшой словарь арабской лексики в статье о хамаиле Адама Радецкого [7].

Цель настоящего исследования – показать, как в тексте китаба Ибрагима Хосеневиича¹ функционируют арабизмы, которые представляют собой не только отдельные слова, но и полноценные выражения. Подобный анализ позволит оценить полную картину функционирования лексики в тексте китаба и выявить те особенности, благодаря которым в этом памятнике письменности передается индивидуальность автора.

¹Исследуемый китаб хранится в Национальной библиотеке Республики Беларусь под номером 11Н/58К (026) [8, с. 58–62].

Славянская часть китаба И. Хосеневича написана преимущественно на старобелорусском языке с элементами польской и арабской лексики. Ранее специфика восточной лексики данного текста не изучалась. В китабистике исследованию арабизмов посвящены только несколько работ, однако арабская лексика является важной составляющей белорусских памятников письменности. Без учета арабизмов невозможно полностью оценить и проанализировать текст китаба.

Количество арабизмов в тексте памятника варьируется. Оно зависит от специфики цитируемого из Корана материала и наличия – отсутствия его пояснений. Большинство коранических цитат сопровождаются комментариями И. Хосеневича, определявшего, нуждается ли данный фрагмент из религиозного арабского текста в дополнительных пояснениях. По характеру употребления арабизмы в тексте китаба И. Хосеневича можно разделить на следующие категории:

- отдельные лексические единицы;
- отдельные фразы, которые представляют собой вкрапления в славянский текст;
- цитаты из религиозной арабской литературы, из которых одни выражения имеют пояснения на старобелорусском языке или вольный перевод автора китаба, а другие выражения не комментируются.

В данной статье представлены примеры из текста китаба И. Хосеневича, транслитерация которых дана в соответствии с правилами арабской графики. Так как автор настоящей работы уделяет внимание арабизмам, грамматически, орфографически и пунктуационно некорректные части славянского текста² показаны в их первоначальном виде.

Отдельные лексические единицы

Рассматриваемые в данной части статьи арабизмы и термины в основном связаны с исламской религией и культом. Арабская письменность, которая использовалась И. Хосеневичем для воспроизведения отдельных лексем, имеет некоторые особенности. В связи с этим необходимо учитывать особенности написания слов, разделять примеры использования арабской графики для передачи собственно арабизмов и для обозначения арабизмов, которые попали под фонетическое и грамматическое влияние старобелорусского языка.

Большинство арабизмов – отдельных лексических единиц – являются именами существительными. Их можно разделить на собственные имена существительные (*Džebrail, Ibrahim, Musa, Aiša*), конкретные имена существительные, которые обозначают природные явления, события или предметы (*sabah*), и имена существительные, которые составляют группу конфессиональной лексики (*arš, džahil*). К данной лексико-семантической классификации не относятся слова, которые являются служебными частями речи. В китабе И. Хосеневича подобные лексемы встречаются крайне редко.

После адаптации к фонетическим и морфологическим особенностям старобелорусского языка арабизмы активно участвуют в деривационных процессах. Описывая лексику китаба, который хранится в Британском музее, Ш. Акинер выделяет наиболее распространенные словообразовательные суффиксы, характерные для арабских, персидских и турецких заимствований [4]. В китабе И. Хосеневича к числу таких словообразовательных формантов относятся морфема *-ove*, которая используется для обозначения множественного числа (*iz prarockih sehabejove³ dzin (15/b, 22–23), sehabejove muvili (16/b, 9)*)⁴, а также морфема *-ov-*, с помощью которой образуются притяжательные прилагательные (*sin 'Abbasov (10/b, 7)*). В тексте также отмечен словообразовательный формант *-ovi* со значением множественного числа (*Israilovi (19/b, 21)*).

Что касается собственных имен существительных, то в тексте китаба И. Хосеневича выявлены случаи употребления имен ангела-мукаррабуна Джабраила, а также пророков Ибрагима и Мухаммеда.

Исламский ангел-мукаррабун Джабраил соответствует христианскому архангелу Гавриилу. Придерживавшийся мусульманской традиции, И. Хосеневич в тексте китаба употребляет арабский вариант имени этого духовного, бесплотного существа. В исламских памятниках встречаются формы *Djabrā`il* и *Djibrīl* [9]. В рассматриваемом тексте предпочтение отдается первому варианту написания имени. С точки зрения словоизменения лексема *Djabrā`il* представлена разными словоформами, и в отдельных предложениях наблюдается образование дериватов в соответствии с грамматическими правилами старобелорусского языка [10]. Точно так же на протяжении всего текста изменяются формы имен пророков Ибрагима и Мухаммеда (...*Džabrailov i Muhammadov to Bog est pravdzivij...* (6/b, 3), ...*pan Bog Džabrailu kazav...* (18/a, 2), ...*jednim golasam Džabrailovim...* (13/a, 20), ...*tilko ot glosu Džabrailovago...* (13/a, 21)).

²Например, в выражении *dna snudnago* (10/b, 4) буква *n* является лишней.

³Здесь и далее выделено полужирным нами. – *Н. М.*

⁴*Sehabejove* (صَحَابِيُونَ) – форма множественного числа слова *Sehabej* (صَحَابِي). Османская турецкая лексема صحابي [sahabi] восходит к арабской лексеме الصحابي [as-sahabi] и используется для обозначения сподвижников пророка Мухаммеда, а также первого поколения мусульман [11, с. 192; 12, с. 430].

В исламе Исафил – вестник страшного суда. Имя этого ангела-мукаррабуна, вероятно, восходит к слову «серафим» – названию иудейского и христианского высшего ангельского чина, наиболее приближенного к Богу [9]. В тексте китаба И. Хосеневи́ча данная лексема принимает окончание родительного падежа в соответствии с грамматическими правилами белорусского языка (...*tilko iz Israfilov trubi golas ućijus... (19/b, 18)*) [10].

К особенностям передачи на старобелорусском языке собственных имен существительных, связанных с исламом, относится принцип грамматического подобия, при котором фонетические и графические особенности корней арабских лексем сохраняются. Стоит заметить, что ключевым моментом в выборе грамматической формы арабизма является также принцип благозвучия. Опираясь на выбранную грамматическую систему, автор китаба использует способность имени существительного к формообразованию и сохраняет гармоничность славянского текста.

Стоит проанализировать случаи употребления других собственных имен существительных в тексте китаба И. Хосеневи́ча.

(1) ...*prorok paznav što Aiša tajemni doždž vidzela muvil... (16/a, 2)* ‘...пророк узнав что Айша таинственный дождь видела сказал...’⁵

Аиша бинт Абу Бакр – младшая жена пророка Мухаммеда. Ее имя не имеет аналогов в славянских источниках. В связи с этим важно установить, какой с точки зрения орфографии вариант имени выбрал И. Хосеневи́ч. В примере (1) данное имя написано в соответствии со славянской транслитерацией. В памятниках арабской письменности это же имя имеет иное написание. Самым очевидным отличием этих вариантов написания является отсутствие в тексте китаба И. Хосеневи́ча буквы «та марбута», которая выступает показателем женского рода [13, с. 110].

(2) ...*Falama janna alayhi al-laylu raa kawkabaan kali abačis zvezdu peršeju na nebe abo Yunus prarok kali na nebo rušalisa angeli b ci noči bila Fanada fi az-zulumati jak kričav u cemnasci abo Musa prarok na gare sinajskeje jak pjani biv kali gara rušilasa u noči Wa waadna Musa thalathina laylatan jak mi naznačili Muse praroku triccac nočej... (16/a, 17–20)* ‘...Когда ночь покрыла его своим мраком, он увидел звезду когда увидишь первую звезду на небе или пророк Иона когда на небо двинулись ангелы была ночь он воззвал из мрака как кричал в темноте или пророк Моисей на горе Синай как пьяный был когда гора рушилась в ночи Мы определили Мусе 30 ночей как мы назначили пророку Моисею тридцать ночей...’

В примере (2) упоминаются имена исламских пророков Юнуса и Мусы. Написание обоих имен в тексте китаба И. Хосеневи́ча полностью соответствует арабскому варианту [14, с. 774, 914]. Скорее всего, в данном случае большую роль сыграло совпадение звуков в арабском и славянском языках.

В тексте данного памятника письменности встречаются морфологические парадигмы, образуемые восточными лексемами. Арабизмы легко преодолевают структурные ограничения старобелорусского языка. Так, имена существительные порождают имена прилагательные, склоняются по падежам как в единственном, так и во множественном числе. В качестве примера такой морфологической активности арабизмов в тексте китаба И. Хосеневи́ча можно привести случаи употребления лексем *kāfir*⁶ и *Habīb al-Nadždjār*⁷ (...*kafiram muvili sadaku dajca što vam pan Bog dav... (19/b, 7)*, ...*pan Bog golasam da kafirev muvil ij kafire... (19/b, 12)*, ...*kafire rekli da Habib Nadžara... (12/b, 14)*, ...*u tom čase Habib Nadžaru raj ukazav... (13/a, 1–2)*).

Как видно из представленных выше примеров, арабизмы в татарских памятниках письменности являются гибкими лексическими единицами, способными к трансформации в соответствии с богатыми возможностями славянской деривационной системы. Такая лексика может быть представлена в китабе двумя способами. Первый способ состоит в том, что арабское слово вводится в текст с пояснением его значения, и применяется в тех случаях, когда большинство татар уже забыли семантику данной лексемы и нуждаются в ее толковании. Второй способ состоит в том, что арабское слово вводится в текст без пояснения его значения. Он характерен для тех арабизмов, которые сохранились в языке белорусских татар и использовались параллельно с их славянскими эквивалентами.

Далее следует обратиться к случаям употребления в тексте китаба И. Хосеневи́ча конкретных имен существительных, которые обозначают природные явления, события или предметы, а также проанализировать ту лексику, которая была введена в текст без пояснения ее значения. В грамматических

⁵Здесь и далее перевод славянского текста наш. – Н. М.

⁶Значение лексемы *kāfir* трансформировалось следующим образом: ‘уничтожение, прикрытие’ – ‘скрывающий полученные блага’, т. е. ‘неблагодарный’ [9], – ‘неверующий, нечестивый’ [12, с. 693].

⁷Лексема *Habīb al-Nadždjār* обозначает имя легендарного персонажа Хабиба Наджара, в честь которого названа мечеть в Антакье [9].

системах арабского и старобелорусского языков наблюдается определенное сходство: имена существительные имеют категории рода, числа и падежа. Однако ни одна из этих категорий не совпадает с точки зрения содержания. Так, в арабском языке категория числа более объемная, чем в старобелорусском языке, в то время как восточная система падежей, наоборот, в количественном отношении уступает славянской системе падежей. Несовпадение данных показателей усложняет процесс введения арабизмов в текст, так как автор китаба должен выбирать грамматическую систему и следовать ей. Большинство заимствованных лексем этой группы изменяются в соответствии с правилами старобелорусского языка.

(3) ...*jak za vse sabahu*⁸ *čakajuc ale sabahu ne dačakajuc vijduc na dvor na nebo glanic zvezdi na mejscah svaih...* (17/a, 15–16) ‘...как все **утра** ждут или не дождутся выйдут во двор посмотрят на небо звезды на своих местах...’

(4) ...*zabavlaacca buduc sabah ne dačakajuc znov na dvor vijduc na neba glanic...* (17/a, 17–18) ‘...будут развлекаться не дождутся **утра** снова во двор выйдут посмотрят на небо...’

В примерах (3) и (4) имя существительное *sabah* стоит в разных грамматических формах, при этом данная арабская лексическая единица изменяется по законам старобелорусского языка. Так, в примере (3) исследуемое заимствованное слово имеет окончание *-u*, как и все старобелорусские имена существительные мужского рода с данным типом склонения [10].

(5) ...*neikatorija movac mustakar stane slonca sudnago dna na jednom mejscu...* (17/a, 2–3) ‘...некоторые скажут солнце Судного дня станет **стабильным** на одном месте...’

(6) ...*neikatorija movac mustakarrun*⁹ *slonca pad zemloj jest...* (17/a, 4–5) ‘...некоторые скажут **стабильно** солнце под землей...’

В примерах (5) и (6) гласные буквы в третьем слоге исследуемого арабизма различаются в словарной форме лексемы и в формах лексемы, представленных в тексте памятника. Стоит сказать, что это не единственный случай: написания слов во многих коранических цитатах, представленных в тексте китаба И. Хосеневича, также отличаются от написаний в оригинале. В данной статье не рассматриваются орфографические ошибки, так как они могут быть продиктованы невнимательностью или спешкой автора в момент составления им текста. В примерах (5) и (6) приведены разные формы данной лексической единицы: в примере (6) имя прилагательное стоит в форме именительного падежа и согласуется с именем существительным *slonca*, а в примере (5) окончание имени прилагательного, стоящего в форме косвенного падежа, опускается, так как в арабском разговорном языке в полных формах имен прилагательных окончания не произносятся.

(7) ...*pan Bog nikomu krivdi ne učinec hikajat*¹⁰ *gistorija a Peglul divane...* (20/a, 12) ‘...пан Бог никому плохого не сделает **истории** о Пеглул диване...’

В примере (7) в конце лексемы *hikajat* стоит арабская буква «та марбута». При присоединении к слову окончания множественного числа данная буква меняет свое начертание [13, с. 274].

(8) ...*starajučemu I pajučemu I slihajučemu pan Bog lasku svaju učinic I z valikaj dobresci svajej getij suraj da Mekkaju zaslanij asmidesjat I tri ajati ajum jest slov sto dvaccac pac dva tisači semsot dzevec dzesat šest hurfaf*¹¹ *jest...* (8/a, 3–4) ‘...старающегося и поющего и слушающего пан Бог одарит своей милостью и с великой своей добротой пошлет эту суру в Мекку семьдесят три дня аятов сто двадцать пять слов две тысячи семьсот девяносто шесть **букв**...’

В примере (8) стоит обратить внимание на формообразование. Исследуемое имя существительное стоит в форме множественного числа. По правилам старобелорусского языка к этой форме добавляется окончание родительного падежа *-af*, и это становится причиной стяжения гласных в словоформе. Таким образом, вторая арабская буква *u* является беглой гласной.

(9) ...*adzin umor prarok klanevs’a džanaze*¹² *namaz ja džanazeju da mağili pašov...* (15/b, 22) ‘...один умер пророк поклонился **гробу** похоронный намаз и пошел к могиле...’

⁸*Sabah* ‘утро, рассвет’ [12, с. 427].

⁹*Mustakirrun* ‘стабильный’ [15, с. 962].

¹⁰*Hikajat* ‘рассказ, повесть, история’ [12, с. 188].

¹¹*Harf* ‘буква, литера’ [12, с. 166]. *Hurfaf* – форма множественного числа этой лексемы.

¹²*Djanāza* ‘труп, гроб или труп и гроб, а затем похороны’ [9].

В примере (9) имя существительное *djanāza* в арабском языке имеет грамматическое значение женского рода. Благодаря букве *a*, содержащейся в конце основы данной лексемы, в старобелорусском языке это слово также имеет грамматическое значение женского рода, что влияет на особенности его склонения.

В тексте китаба И. Хосеневича, как и в тексте китаба, который хранится в Британском музее, встречаются слова, случаи употребления которых в косвенных падежах не зафиксированы [4]. В приведенных отрывках тексты обоих памятников письменности почти идентичны (...*tri razi zatrubic, jedna nefche, druhoje fežiche*¹³, *treceje še'ike*... [4, с. 67], ...*tri razi zatrubic trubenje, jedna nefche, druhoje fežiche, treceje še'ike jak u Kur'ane piše*... (19/a, 7–8)).

Наконец, необходимо рассмотреть имена существительные, которые составляют группу конфессиональной лексики (примеры (10)–(14)).

(10) ...*prarok muvil slonca pad arš*¹⁴ *pujde*... (17/a, 7–8) ‘...пророк сказал солнце будет под **троном** Бога...’

(11) ...*sadžda*¹⁵ *panu Bogu ućinic*... (17/a, 13) ‘...**поклониться** пану Богу...’

(12) ...*jak vethi urdžun budzec urdžun*¹⁶ *značisa funikovago kara na dzereva abo kara jest kali rubajuči ne ratne troha astaneca*... (17/b, 15–16) ‘...будет как ветхий **урджун урджун** обозначает финиковую кору на дереве или кору когда отрубив остается небольшая часть...’

(13) ...*abo džahila*¹⁷ *adnago dna abo džahil kladba božeja nad nim prarok na adnom mejscu namaz klanevsa abo džahil uzav veliki kamen hacedv praroka u galavu udaric*... (10/a, 7–8) ‘...или неверующему одного дня или неверующий Божее проклятие над ним пророк на одном месте поклонился намаз или неверующий взял большой камень хотел пророка ударит по голове...’

(14) ...*abo džahilu oči zacmiv praroke ne mog vidzec*... (10/a, 7–9) ‘...или **неверующему** затмил глаза чтобы не мог видеть пророка...’

В тексте китаба И. Хосеневича лексема *džahil* употребляется несколько раз и имеет одну грамматическую особенность. Так, в арабском языке окончание указывает на падеж слова, при этом в тексте памятника падеж лексемы дан в соответствии с правилами старобелорусского языка (*dla džahila, džahilu uchi, abo džahila adnago* [9]). Если предположить, что текст китаба создавался для устного восприятия, то по законам арабской фонетической системы окончания в словоформах этой лексемы можно было бы опустить. Однако в данном случае наблюдается полное слияние арабизма со славянским текстом.

Отдельные лексические единицы сохраняют арабские фонетические особенности и адаптируются к грамматической системе старобелорусского языка. Графическая форма корней слов соответствует нормам арабского языка, но окончания лексем могут опускаться. Так, в примере (11) в слове *sadžda* отсутствует окончание – показатель женского рода [12, с. 347]. Автор настоящей статьи предполагает, что таким образом И. Хосеневич в условиях проживания вдали от исторической родины стремится придать благозвучие славянскому тексту и сохранить в нем арабскую лексику, следовательно самобытность.

Представленные выше примеры доказывают, что в анализируемом памятнике письменности заимствованная лексика употребляется в прямом значении. Большинство лексем относятся к конфессиональной лексике. Несмотря на то что арабский и старобелорусский языки имеют разные фонетические системы, это не отражается на арабизмах, если принимать во внимание только основы данных лексем. Не вся восточная лексика была знакома широкому кругу членов татарской общины, поэтому отдельные слова нуждались в пояснениях. Способ передачи имен существительных во многом зависел от конкретной прагматической задачи автора текста. В случае с китабом И. Хосеневича целевой аудиторией была татарская община, исповедующая ислам. В связи с этим текст данного памятника необходимо было составить таким образом, чтобы собственные имена существительные, с одной стороны, соответствовали арабской фонетической системе, а с другой стороны, имели возможность склонения и формообразования для удобства произношения и благозвучности.

¹³*Fežiche* ‘бояться, пугаться’ [13, с. 595], ‘день Страшного Суда’ [4, с. 67].

¹⁴*Arš* ‘наивысшее место, которое объемлет все сущее и находится над ним’ [16, с. 71], ‘трон Бога’ [4].

¹⁵*Sadžda* ‘склонять голову, поклоняться, совершать в намазе земной поклон’ [16, с. 621].

¹⁶*Urdžun* ‘ветка финиковой пальмы, которая обернулась в руках Абдуллаха бин Джахма мечом (ветвь, согнутая в виде полумесяца)’ [17, с. 208], ‘пень от связки фиников, оставшийся на дереве, когда пучок срезан’ [4, с. 83].

¹⁷В мусульманской традиции *джахилия* – период доисламского невежества и неверия. *Джахилиями* называют людей, лишенных знаний об истине ислама [16, с. 192].

Отдельные фразы, которые представляют собой вкрапления в славянский текст, и цитаты из религиозной арабской литературы

Представленная в примере (15) фраза подобна отдельным лексическим единицам, если анализировать ее с точки зрения сочетаемости со старобелорусским текстом. В связи с этим в данном примере следует рассмотреть грамматическую составляющую, сочетаемость арабской и старобелорусской лексики и влияние на арабизм славянской орфографии.

(15) ...*pišem i prikazuem kariman katibina angelem ketorija pišuc učenija...* (10/b, 5)

Keram katibin – благородные писцы. Это словосочетание гармонично включается в славянский текст и дается без перевода. Однако здесь есть своя особенность. Дословная транслитерация арабского текста выглядит как *keraman katibina*. В тексте китаба И. Хосеневиича исследуемое словосочетание выполняет функцию дополнения, поэтому оно должно стоять в форме винительного падежа. Интересно, что словосочетание *keram katibin* действительно стоит в нужной грамматической форме, однако окончание множественного числа винительного падежа *-an* указано в соответствии не со старобелорусскими, а с арабскими правилами грамматики [18, с. 16].

Цитаты, заимствованные из арабской религиозной литературы, имеют особое значение для данного памятника письменности, так как они лежат в его основе и именно вокруг них строится славянский текст. Здесь важно обратить внимание на саму структуру китаба. Построение предложений, способ изложения материала, текстовое окружение арабских цитат, отмеченные в примере (16), являются типичными для китаба И. Хосеневиича.

(16) ...*najdzece lasku mayu nauki ne prijmavali inšija moc Ma bayna aydihim wa ma khalfahum*¹⁸ *peršija I prišlija grehi jest inšija movic Wa ma khalfahum muke dna sudnago iz zemli vihodzic...* *muka Wa ma tatihim min ayatin min ayati rabbihim illa kanu anha muridina što kol vek ayatov Božih prijdze ad pana Boga jani ad tago advaračalisa Wa idha qila lahum anfiqum mimma razaqakumu Al-Lahu qala al-ladhina kafaru lilladhina amanu anutimu man law yashau Al-Lahu atamahu in antum illa fi dalalin mubinim kedi kefiram muvili sadaku dajca što vam pan Bog dav oni muvili či patrav da mi že im pan Bog ne dav a hoc bi im patrav dali b vedajca nam Bog dav...* (19/b, 1–7) ‘...найдете мою милость другой науки не можете принять **что было до них и что будет после них** первые и наступающие грехи есть другие говорят **что было до них** мука Судного дня выходит из земли... **и не приходит к ним ни одно знамение из знамений Господа их, чтобы они от них не отворотились** если век аятов придет от пана Бога они от этого отвернутся **А когда им скажут: «Пожертвуйте из того, чем наделил вас Аллах!»** – те, которые не веруют, говорят верующим: **«Разве мы станем кормить того, кого Аллах накормил бы, если пожелал? Вы только в явном заблуждении»** если кафирам сказали дать садаку которую вам дал пан Бог они сказали если дать им поесть пан Бог не дал а хочет чтобы мы дали им поесть знал бы Бог дал...’

Для построения данного фрагмента текста были использованы следующие части Корана: 110-й аят¹⁹ 20-й суры²⁰, 46-й аят 36-й суры, 47-й аят 36-й суры. Следует отметить, что порядок использования аятов из одной и той же суры не является последовательным.

В ходе анализа также не было замечено определенной последовательности в размещении коранических цитат. Выявлено, что И. Хосеневиич отдает предпочтение 36-й суре под названием Йа Син, в которой говорится о том, что Аллах воскрешает мертвых и считает деяния своих рабов. Однако в тексте китаба данная сура не излагается последовательно. В памятнике, помимо отдельных сур, используются фрагменты хадисов²¹, изложение которых тоже не отличается последовательностью. Исходя из этого, в настоящей статье классификация арабских фраз, которые представляют собой вкрапления в славянский текст, и цитат из религиозной арабской литературы основывается на форме подачи материала:

- цитировании аята с его последующим переводом, максимально приближенным к тексту, но не содержащим пояснения;
- цитировании аята с его последующим переводом, носящим описательный характер²².

¹⁸Здесь и далее перевод фрагментов из Корана И. Ю. Крачковского [19].

¹⁹Наименьший выделяемый отрывок коранического текста, стих [20, с. 214].

²⁰Название каждой из 114 частей, на которые делится текст Корана [20, с. 214].

²¹Предания о словах и действиях Мухаммеда, затрагивающие различные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины [20, с. 262].

²²Так же, как и в тексте китаба, который хранится в Британском музее [21].

При составлении текста китаба И. Хосеневич использовал не только аяты Корана, но и сборник стихов из Корана, дополненный хадисами, написанными в XIII в. правоведом шафиитского мазхаба, исламским богословом и имамом Мухйи-д-дин Абу Закарийа Йахйа бин Шараф бин Мурри бин Хасан бин Хусайн бин Мухаммад бин Джум'а бин Хизам ан-Навави [23, с. 238–239]. Здесь встречаются цитаты, описывающие, каким образом происходит отпущение грехов, пояснение которых приводится ниже по тексту.

В таблице представлены цитаты из Корана и других арабских религиозных текстов и из китаба И. Хосеневича (примеры (17)–(21)).

Сравнение цитат из Корана и других арабских религиозных текстов и из китаба И. Хосеневича

Comparison of quotes from the Qur'an and other Arabic religious texts and from the I. Hosenevich's kitab

№ примера п/п	Цитаты из Корана и других арабских религиозных текстов	Цитаты из китаба И. Хосеневича
(17)	<i>Мы устроили перед ними преграду и позади их преграду и закрыли их, и они не видят (36:9)</i>	<i>Učinilem pred nimi zaponi i za nimi zaponi abo s'ca na ochi movon ten ayat est (10/a, 6) '...мы сделали преграду перед ними и преграду за ними а закрыв глаза сказан тот аят...'</i>
(18)	<i>Не сообщать ли вам о том, посредством чего Аллах стирает прегрешения и возвышает степени? [22, с. 51]</i>	<i>Vam iz getih rečej ketorija grehi vaši adpušćeni buduc (10/b, 14) '...вам из этих речей которые отпускают ваши грехи...'</i>
(19)	<i>И объединятся солнце и луна (75:9)</i>	<i>...mesec slonca pačernelija svatlasci ne majuc u adno mejsca zašlisa jak Kur'an piše Wa jumi'a ash-shamsu wa al-qamaru svatovija ludzi plakac buduc pa Božnim ludzam... (17/b, 5–6) '...месяц солнце почернеют света не имеют в одном месте соединятся как написано в Коране И объединятся солнце и луна святые люди будут плакать о Божьих людях...' ...kali sudni dzen blizka prijdze slonca z mesecam zlučica u Kur'an piše Wa jumi'a ash-shamsu wa al-qamaru slonca ne dastanisa mesecu ni noć dna a dzen noči adno za adnim hodzic... (17/b, 22–23) '...если Судный день близко придет солнце с месяцем соединятся в Коране написано И объединятся солнце и луна солнце не достанет месяц ни ночь дня а день ночи один за другим ходят...'</i>
(20)	<i>Все по своду плавают (21:33)</i>	<i>...tilko mesec i slonca na mejscah svaih stajac da sudnago dna Wa kullun fi falakin yasbahuna use u svaih merah hodzac mesec i slonca I zvezdi tak jak riba u vadze plivaje... (18/a, 1–3) '...только месяц и солнце на своих местах до Судного дня Все по своду плавают все ходят по своим орбитам месяц и солнце и звезды также как рыба плавает в воде...'</i>
(21)	<i>И знамение для них – что Мы носили их потомство в нагруженном корабле (36:41)</i>	<i>Sudni dzen prijdze u adno mejsca zberucca Wa ayatun lahum anna hamalna dhurriyatum fi al-fulki al-mashhuni po znake jest vam Božej moci jak ih patemstva u karablu šcerom u nugavih karablu katori palan biv usela tagava ratomstva... (18/a, 9–10) '...придет Судный день в одном месяце соберутся И знамение для них – что Мы носили их потомство в нагруженном корабле у вас есть знак Божей силы как их потомства в корабле вшестером в Ноевом корабле который был полон всего того потомства...'</i>

С грамматической точки зрения арабский текст стоит обособленно, является вставкой в прямую речь, отдельным предложением или цитатой (...*jak u Kurane piše **Rabbu al-mashriqi wa al-maghribi** Božēja jest ushod I zahod Trista šestdesat ushodav I zahodav što dzen iz adnago ushodzec a v inšem zahodzic... (16/b, 21) '...как пишется в Коране **Господь Востока и Запада** Божий есть восход и заход триста шестьдесят восходов и заходов что день из одного уходит а в другой заходит...'*).

В примере (21), извлеченном из китаба И. Хосеневича, при заимствовании цитаты из Корана употребляется союз на арабском языке. В 41-м аяте 36-й суры Корана данный союз отсутствует. Помимо прочего, пример (21) относится к той категории цитирования арабских религиозных текстов, в которой оригинальный аят переводится точно и не содержит последующих комментариев. Лексема *falakun* обозначает орбиту, небо, небесный свод [12, с. 609]. При переводе этой лексемы на старобелорусский язык

И. Хосеневич употребляет слово «мера», что может указывать на определенное толкование данной фразы (мера как предел, в котором осуществляется что-нибудь [24]), но не на ошибку в переводе. Здесь также стоит обратить внимание на форму прилагательного, образованного от имени существительного «Ной». Имя существительное *Nuh* взято из арабского языка, однако формообразование этого слово происходит в соответствии с грамматическими правилами старобелорусского языка.

В тексте памятника встречаются намеренные повторения отдельных фраз или слов после цитирования определенных частей сур Корана.

(22) ...*velikim plačenem u raji vidzec abliča Bože Inna nahnu nuhyi al-mawta wa naktubu ma qaddamu wa atharahum peun 'a aživami martvih dna snudnago abo ževimi činim nutria... tvaim Kur'anim pre strahem pišem i prikazuem kiraman katibina angelem ketorija pišuc učenija učinki bred sebe paslanija i za saboju zastavnija što dobrogo I zloga inšiya muvac Wa atharahum...* (10/b, 3–7) '...великим плачем в раю видеть облик Бога **ведь Мы оживляем мертвых и записываем, что они уготовали раньше, и их следы** петухи оживляли мертвых Судного дня и живых исцеляем... твоим Кораном в страхе пишем и приказываем **благородные писцы** которые с ангелом пишут учения делают перед собой послания а за собой оставляют что хорошего и плохого говорят другие **и их следы...**'

Пример (22) является частью 12-го аята 36-й суры Корана. Здесь, как и во многих других вариантах цитирования аята, за арабским текстом следует его перевод-пояснение. В конце данного отрывка повторяется слово из аята, а далее по тексту повторяется часть первоначальной фразы.

(23) ...*getij ajat zaslanij Wa naktubu ma qaddamu wa atharahum...* (10/b, 9) '...этот аят посланный **и записываем, что они уготовали раньше, и их следы...**'

Если пример (22) представляет собой единую смысловую цепочку арабского и старобелорусского текстов, то пример (23) отличается семантической насыщенностью. В нем арабский текст стоит обособленно от славянского, не связан с ним.

Заключение

Автор настоящей статьи пришел к следующим выводам.

1. В китабе И. Хосеневича роль, которую играют цитаты из арабских религиозных текстов, становится очевидной, если обратить внимание на их расстановку в памятнике. Как правило, это фрагменты Корана, которые непременно сопровождаются либо точным переводом переписчика, либо его вольным изложением основной идеи коранической цитаты. В памятнике встречаются также отдельные слова и выражения, заимствованные из арабского языка. В этом случае необходимо учитывать частотность их употребления, особенности их чередования со славянскими эквивалентами, а также их грамматическую форму, которая может быть обусловлена грамматическими правилами языка китаба.

2. Арабские вкрапления в славянский текст выполняют функцию сигналов. Такие стилистические приемы используются для напоминания читателю или слушателю о связях с их традициями.

3. Причиной использования арабизмов являются социально-психологические факторы. Религиозная терминология имела коммуникативную актуальность, что отразилось в исторических памятниках. Для полного изучения данного пласта лексики необходимо рассматривать арабизмы с точки зрения фонетической, графической, семантической, словообразовательной и культурологической адаптации.

4. Использование элементов арабского языка в славянских памятниках письменности является, с одной стороны, попыткой познакомить белорусских мусульман с Кораном, а с другой стороны, проявлением специфического языкового стиля переписчика.

5. К когнитивно-семантическим признакам исследуемых арабизмов относятся ярко выраженные экспрессивность и образность. Несмотря на сильное влияние славянских традиций и обрядов, белорусские татары сохраняют собственное религиозное сознание. В их лексиконе продолжает существовать основная часть исламской терминологии.

6. Очевидно грамматическое влияние старобелорусского языка на арабские лексические единицы. С точки зрения фонетики основы арабских слов сохраняются, так как они являются не заимствованиями, а лексической основой текста китаба.

Арабизмы участвуют в деривационных процессах, что указывает на важность и актуальность этой лексики. Благодаря включению арабской лексики в текст китаба белорусские татары ощущают связь со своим прошлым, а также проникаются атмосферой Востока.

Библиографические ссылки

1. Мишкинене Г. О проекте Словаря китабов (славяноязычных арабскоалфавитных рукописей середины XVII века). *Slavistica Vilnensis*. 2000;49(2):123–127. DOI: 10.15388/SV.2000.23124.
2. Антонович АК. *Белорусские тексты, писанные арабским письмом и их графико-орфографическая система*. Вильнюс: Вильнюсский государственный университет; 1968. 418 с.
3. Kryczyński S. *Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej*. Warszawa: Wydanie Rady Centralnej Związku Kulturalno-Oświatowego Tatarów Rzeczypospolitej Polskie; 1938. 318 p.
4. Akiner Sh. The vocabulary of a Byelorussian K'it'ab in the British Museum. *The Journal of Byelorussian Studies*. 1973;3(1):55–84. DOI: 10.30965/20526512-00301003.
5. Woronowicz A. Szczałki językowe Tatarów litewskich. W: Kryczyński L, redaktor. *Rocznik Tatarski: czasopismo naukowe, literackie i społeczne, poświęcone historii, kulturze i życiu Tatarów w Polsce. Tom 2*. Zamość: Wydanie Rady Centralnej Związku Kulturalno-Oświatowego Tatarów Rzeczypospolitej Polskie; 1935. s. 351–366.
6. Мишкинене Г. Проблемы адаптации арабизмов и тюркизов в старобелорусском китабе КУ-1446. *Slavistica Vilnensis*. 1995;45(2):53–63.
7. Мишкинене Г. Счастливые и несчастные дни из хамаила Адама Радецкого (1888 г.). *Slavistica Vilnensis*. 2017;62:97–116. DOI: 10.15388/SlavViln.2017.62.11685.
8. Тарэлка МУ, Цітавец АІ, укладальнікі. *Руканісы татараў Беларусі канца XVII – пачатку XX ст. з дзяржаўных кнігазбораў краіны*. Бярозкіна НЮ, рэдактар. Мінск: Беларуская навука; 2011. 221 с.
9. Pedersen J. Encyclopaedia of Islam, Second edition [Internet]. 2021 [cited 2022 April 3]. Available from: <https://referenceworks.brillonline.com/browse/encyclopaedia-of-islam-2>.
10. Янкоўскі ФМ. *Гістарычная граматыка беларускай мовы*. Мінск: Вышэйшая школа; 1983. 270 с.
11. Akiner Sh. *Religious language of a Belarusian Tatar Kitab. A cultural monument of Islam in Europe*. Wiesbaden: Harrassowitz; 2009. 457 p. (Mediterranean language and culture monograph series; volume 11).
12. Баранов ХК. *Арабско-русский словарь*. Крачковский ИЮ, редактор. Москва: Русский язык; 1989. 928 с.
13. Гранде БМ. *Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении*. Москва: Восточная литература; 2001. 529 с.
14. Гиргас ВФ. *Арабско-русский словарь к Корану и хадисам*. Санкт-Петербург: Издательство «Диля»; 2006. 928 с.
15. Борисов ВМ. *Русско-арабский словарь*. Белкин ВМ, редактор. Санкт-Петербург: Сам Интернешнл; 2004. 1120 с.
16. Али-заде А. *Исламский энциклопедический словарь*. Москва: Ансар; 2007. 400 с.
17. Топбаш ОН. *История пророков. Том 5 (Пророк Мухаммад Мустафа. Часть 2)*. Разоренов А, переводчик. Москва: САД; 2009. 614 с.
18. Редькин ОИ, Берникова ОА. *Грамматика арабского языка (на примерах из Корана)*. Санкт-Петербург: Президентская библиотека; 2015. 219 с.
19. Крачковский ИЮ, переводчик. *Коран*. Москва: Наука; 1986. 727 с.
20. Милославский ГВ, Петросян ЮА, Пиотровский МБ. *Ислам. Энциклопедический словарь*. Прозоров СМ, редактор. Москва: Наука; 1991. 315 с.
21. Akiner Sh. Contents of the British Library Kitab. W: Łapicz Cz, Kulwicka-Kamińska J, redaktorzy. *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze = Татары Великого княжества Литовского в истории, языке и культуре = The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in history, language, and culture*. Toruń: Toruńskie Towarzystwo Naukowe; 2013. s. 103–124.
22. Мухий-д-дин Абу Закарийа Йахйя бин Шараф бин Мурри бин Хасан бин Хусайн бин Мухаммад бин Джум'а бин Хизам ан-Навави, составитель. *Сады праведных. Из слов Господина посланников*. Нирши ВМ, переводчик. Москва: Бадр; 2001. 880 с.
23. Adamec LW. *Historical dictionary of Islam*. Maryland: The Scarecrow Press, Inc.; 2001. 448 p. (Historical Dictionaries of Religions, Philosophies, and Movements, No. 37).
24. Даль ВИ. *Толковый словарь живого великорусского языка. Том 2*. Москва: Олма-Пресс; 2002. 1120 с.

References

1. Mishkinene G. [About the project of the kitabs dictionary (Slavic-language Arabic-alphabetic manuscripts of the 17th century)]. *Slavistica Vilnensis*. 2000;49(2):123–127. DOI:10.15388/SV.2000.23124. Russian.
2. Antonovich AK. *Belorusskie teksty, pisannye arabskim pis'mom i ikh grafiko-orfograficheskaya sistema* [Belarusian texts written in Arabic script and their graphic and spelling system]. Vilnius: Vilnius University; 1968. 418 p. Russian.
3. Kryczyński S. *Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej*. Warszawa: Wydanie Rady Centralnej Związku Kulturalno-Oświatowego Tatarów Rzeczypospolitej Polskie; 1938. 318 p.
4. Akiner Sh. The vocabulary of a Byelorussian K'it'ab in the British Museum. *The Journal of Byelorussian Studies*. 1973;3(1):55–84. DOI: 10.30965/20526512-00301003.
5. Woronowicz A. Szczałki językowe Tatarów litewskich. W: Kryczyński L, redaktor. *Rocznik Tatarski: czasopismo naukowe, literackie i społeczne, poświęcone historii, kulturze i życiu Tatarów w Polsce. Tom 2*. Zamość: Wydanie Rady Centralnej Związku Kulturalno-Oświatowego Tatarów Rzeczypospolitej Polskie; 1935. s. 351–366.
6. Mishkinene G. [Problems of Arabisms and Turkisms adaptation in the Old Belarusian Kitab KU-1446]. *Slavistica Vilnensis*. 1995;45(2):53–63. Russian.
7. Mishkinene G. Happy and unhappy days according to Adam Radecki chamail (1888). *Slavistica Vilnensis*. 2017;62:97–116. DOI: 10.15388/SlavViln.2017.62.11685. Russian.
8. Tarjelka MU, Citavec AI, compilers. *Rukapisy tataraw Belarusi kanca XVII – pachatku XX st. z dzjarzhawnych knigazboraw krainy* [Manuscripts of the Tatars of Belarus in the late 17th – early 20th centuries from the statebook of the country's assembly]. Bja-rozkina NJu, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2011. 221 p. Belarusian.
9. Pedersen J. Encyclopaedia of Islam, Second edition [Internet]. 2021 [cited 2022 April 3]. Available from: <https://referenceworks.brillonline.com/browse/encyclopaedia-of-islam-2>.

10. Jankowski FM. *Gistarychnaja gramatyka belaruskaj movy* [Historical grammar of the Belarusian language]. Minsk: Vyshjeshaja shkola; 1983. 270 p. Belarusian.
11. Akiner Sh. *Religious language of a Belarusian Tatar Kitab. A cultural monument of Islam in Europe*. Wiesbaden: Harrassowitz; 2009. 457 p. (Mediterranean language and culture monograph series; volume 11).
12. Baranov KhK. *Arabsko-russkii slovar'* [Arabic-Russian dictionary]. Krachkovskii IYu, editor. Moscow: Russkii yazyk; 1989. 928 p. Russian.
13. Grande BM. Grande BM. *Kurs arabskoi grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [The course of Arabic grammar in comparative historical coverage]. Moscow: Vostochnaya literatura; 2001. 529 p. Russian.
14. Girgas VF. *Arabsko-russkii slovar' k Koranu i khadisam* [Arabic-Russian dictionary for the Qur'an and hadithes]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Dilya»; 2006. 928 p. Russian.
15. Borisov VM. *Russko-arabskii slovar'* [Russian-Arabic Dictionary]. Belkin VM, editor. Saint Petersburg: Sam Interneshnl; 2004. 1120 p. Russian.
16. Ali-zade A. *Islamskii entsiklopedicheskii slovar'* [Islamic encyclopedic dictionary]. Moscow: Ansar; 2007. 400 p. Russian.
17. Topbash ON. *Istoriya prorokov. Tom 5 (Prorok Mukhammad Mustafa. Chast' 2)* [The prophets' history. Volume 5 (Prophet Muhammad Mustafa. Part 2)]. Razorenov A, translator. Moscow: SAD; 2009. 614 p. Russian.
18. Red'kin OI, Bernikova OA. *Grammatika arabskogo yazyka (na primerakh iz Korana)* [Grammar of the Arabic language (on examples from the Qur'an)]. Saint Petersburg: Prezidentskaya biblioteka; 2015. 219 p. Russian.
19. Krachkovskii IYu, translator. *Koran* [The Qur'an]. Moscow: Nauka; 1986. 727 p. Russian.
20. Miloslavskii GV, Petrosyan YuA, Piotrovskii MB. *Islam. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Nauka; 1991. 315 p. Russian.
21. Akiner Sh. Contents of the British Library Kitab. W: Łapicz Cz, Kulwicka-Kamińska J, editors. *The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in history, language, and culture*. Toruń: Toruńskie Towarzystwo Naukowe; 2013. p. 103–124.
22. Mukhii-d-din Abu Zakariia Iakhia bin Sharaf bin Murri bin Khasan bin Khusain bin Mukhammad bin Dzhum'a bin Khizam an-Navavi, compiler. *Sady pravednykh. Iz slov Gospodina poslannikov* [The gardens of the righteous. From the words of the Lord of the messengers]. Nirshi VM, translator. Moscow: Badr; 2001. 880 p. Russian.
23. Adamec LW. *Historical dictionary of Islam*. Maryland: The Scarecrow Press, Inc.; 2001. 448 p. (Historical Dictionaries of Religions, Philosophies, and Movements; No. 37).
24. Dal' VI. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. Tom 2* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow: Olma-Press; 2002. 1120 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.06.2022.
Received by the editorial board 07.06.2022.